

Лейкин Николай Александрович

Голь перекатная

Рассказы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович Л.**
Голь перекатная: Рассказы / Лейкин Николай Александрович – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 333 с.

ISBN 978-5-519-92974-5

Содержание. Бездомники; Писарь; Угловые; Папертные; Кладбищенские;
В родильном приюте; Ученица городской школы; Переполах; По чердакам
и подвалам

ISBN 978-5-519-92974-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ГОЛЬ ПЕРЕКАТНАЯ.

РАЗСКАЗЫ.

БЕЗДОМНИКИ.

БЕЗДОМНИКИ.

I.

ОКтябрскій сѣренькій день только еще сталъ потухать, только еще начало смеркаться, и въ мелочной ловочкѣ и въ закуской, помѣщавшихся въ подвальномъ этажѣ, только еще зажгли лампы, а ужъ около входа въ ночлежный пріютъ началъ собираться разношерстный народъ, алчущій отдохновенія. И какихъ только одеждъ тутъ нѣтъ! Вотъ форменное пальто, потерявшее свой первоначальный синій цвѣтъ, превратившійся во что-то буро-желтое на спинѣ и на рукавахъ съ заплатами, вотъ фуражка, съ когда-то краснымъ околышкомъ, вотъ стоптанные сапожные опорки, изъ которыхъ торчитъ сѣно около обернутыхъ въ грязныя онучи ногъ, вотъ ситцевая кацавейка, подпоясанная веревкой и надѣтая на здоровомъ дѣтинѣ съ опухшимъ лицомъ, вотъ нанковый подрясникъ съ котомкой, привязанной за плечами, вотъ примитивная обувь изъ телячьей шкуры отъ чайнаго цибика и веревокъ. Сѣрый армякъ и заплатанный нагольный полущубокъ здѣсь аристократическіе костюмы, валенки—роскошная уже обувь.

Дымятъ махорочныя „цыгарки“, свернутыя изъ газетной бумаги.

Кое-кто въ толпѣ жуеъ хлѣбъ, вытаскивая его маленькими кусочками изъ-за пазухи.

Кто-то въ толпѣ говоритъ:

— Пострѣлять-бы въ сумерочкахъ-то. Въ сумеркахъ подаютъ чудесно, да мѣста занять могутъ и останешься безъ ночлега.

— Какъ разъ заполонять ночлежный. Что говорить!—соглашается съ нимъ другой голосъ.

— А вѣдь еще, пожалуй, часть мѣста ждать, пока ночлежный отворять.

— Нѣтъ, и всѣ полтора, а то и два. Ко всеобщей еще не звонили.

— И присѣсть-то негдѣ! А я сегодня граниль-граниль мостовую!

— Садись на чемъ стоишь.

— И то, присѣсть.

Ситцевая кацавейка, съ подвязанной скулой тряпичей, садится на тротуаръ, прислонясь къ дому, и обхватываетъ руками колѣна.

— Городовой сгонить. Не велѣно садиться-то,—замѣчаютъ ему изъ толпы.

— Гдѣ городской-то? А пока онъ придетъ, я ужъ отдохну. Шестидесятъ верстъ прошагалъ въ три дня, такъ костыли-то ой-ой какъ ноютъ!

— Золотой роты господинъ кадетъ?—спрашиваетъ его кто-то.

— Онъ самый.

— Когда прибыли въ Питеръ?

— Сегодня около полудня.

— Успѣли пострѣлять?

— Здѣсь плохо. По дорогѣ, за городомъ, стрѣльба была лучше.

— Тамъ всегда лучше. Тамъ у публики сердце теплѣе.

— Однако, какъ тамъ ни тепло, всѣхъ въ Питеръ тянетъ, никто тамъ по долгу не сидитъ.

— У меня здѣсь родня. Я къ роднѣ пришелъ въ Питеръ,—отвѣчаетъ ватная кацавейка.

— Къ роднѣ? Такъ что-жъ у родни не ночуешь? Что-жъ къ ночлежному дому пришелъ?

— Долго рассказывать, дѣдушка. А только у меня здѣсь родня въ Питерѣ съ каменными домами есть.

— Ну-у?!

— Съ лавками и магазинами. Все торговцы. Дядя на своихъ коняхъ разѣзжаетъ. Кони—огонь.

— Вотъ такъ штука, коли не врешь!

— Зачѣмъ врать! Завтра къ нимъ объявлюсь. Сначала къ отцу...

— Ахъ, и родитель даже есть?

— Папаша и мачиха Прекрасная Елена. У отца магазинъ и электричество блещетъ во всю.

— Магазинъ у отца? Ну-ну-у? Какъ-же это тебя отецъ-то такъ допустилъ?

— Изъ-за него и погибаю.

— Такъ. Бываетъ...

— Бываетъ, что у дѣвушки мужъ помираетъ. Ха-ха-ха!

— Ты чего зубы-то скалишь. Я правильно говорю. Прямо изъ-за отца погибаю. Я когда-то въ бобрѣ ходилъ, а лѣтомъ въ желтыхъ полусапожкахъ. Сѣрая шляпа на бекрень. При золотыхъ часахъ съ цѣпочкой. Есть лихачи на углу Невскаго и Садовой, что и сейчасъ меня признаютъ.

— Ну, вотъ должно быть самъ себя и ухлопалъ, коли съ лихачами съ Садовой занимался.

— Нѣтъ, я не безобразилъ сначала. Конечно, эта самая „Аркадія“ и „Салонъ Варьете“ были мнѣ хорошо извѣстны, но я просто какъ полированный юноша порхалъ.

— Ну, вотъ и дополировался по „Аркадіямъ“-то. А то на отца клепать.

— Говорю правду. Меня отецъ сгубилъ. Къ ма-чихъ приревновалъ, къ Еленѣ Прекрасной.

— Вотъ оно что... Такъ... Будемъ вѣрить.

— Разсказывай, разсказывай, милый,—сказалъ ситцевой кацавейкѣ субъектъ въ вылинявшемъ форменномъ пальто. — Долго здѣсь ждать, пока ночлежный отворятъ, всетаки послушаемъ.

— Шута тебѣ захотѣлось? Не дождешься. Я гордъ,—отвѣчала кацавейка.—Когда-то около меня самого шуты-то прихлебали.

Молчаніе.

Ударили въ колоколъ ко всеобщей. Нѣкоторые перекрестились. Выцвѣтшее форменное пальто сказало:

— Вѣдь вотъ теперь на паперти во время всеобщей смѣло можно-бы на сороковку настрѣлять, да боюсь, что народъ въ ночлежный нахлынетъ и безъ мѣста останешься.

— Не настрѣлять, коли ты не ихній, — возражаетъ кто-то.—Не допустить и встать на паперти. Своя артель нынче на каждой паперти-то изъ нищихъ, и чужихъ не больно-то принимаютъ. Забьютъ, заколотятъ. Да и церковные сторожа на ихъ сторону. Съ сторожами-то вѣдь они дѣлятся.

Н. А. Лейкинъ.

— Кондракъ заключенъ?

— Да, на манеръ кондраку.

А съ ситцевой кацавейкой разговаривалъ ужъ сермяжный армякъ.

— А мачиха-то твоя, значить, оказалась вѣдьмой?—спрашивалъ армякъ.

— И красоты неописанной и доброты. И когда она ко мнѣ склонность почувствовала, онъ ее тиранилъ началъ, и меня прогналъ отъ себя. И вотъ тутъ-то я загулялъ, запилъ, потому сердце у меня чувствительное и несправедливости людской я не терплю.

— Такъ все-таки запилъ. Ну, вотъ твоя и вина.

— Запилъ. Мертвую запилъ. И все пуще и пуще. Бобры слетѣли съ плечъ, желтые полусапожки свалились. Все ниже, ниже—и пошелъ я, наконецъ, съ рукой... По лавкамъ пошелъ просить пяточки. На зло ему пошелъ просить пяточки... чтобъ срамъ ему былъ за выгнаннаго сына, руку къ чужимъ людямъ протягивающаго.

— На выпивку?

— Только на выпивку... ну, и на закуску.

— Ахъ, вино, вино!—тяжело вздохнулъ сермяжный армякъ.

— Ядъ... А заливаетъ горе. Я и теперь, если стрѣляю, то прошу на сткляночку съ килечкой, а не Христа ради на хлѣбъ.

Субъектъ въ ситцевой кацавейкѣ умолкъ.

II.

ГРОВОСѢМЪ стемнѣло. Какой-то темносѣрой шапкой нависло небо надъ узкой улицей. Въ воздухѣ моросило и мѣшало свѣтитъ городскимъ фонарямъ. Толпа около ночлежнаго пріюта все увеличивалась. У входа ночлежники стали становиться въ хвостъ. Слышались ссоры изъ-за мѣстъ, спорили, кто раньше пришелъ, кому стоять ближе ко входу въ пріютъ. Какого-то подростка отколо-тили. Онъ заревѣлъ и продолжалъ плакать. Появился городской, увидалъ какого-то пьянаго и отправилъ его съ дворникомъ въ участокъ.

Въ толпѣ говоръ.

— Вотъ со своего кошта одинъ и долой. На казенные хлѣба попалъ.

— Пьяныхъ въ участкахъ не кормятъ. Я сиживалъ. Только ночлегъ. А на утро иди на все четыре стороны.

— Все равно пяточокъ въ карманѣ. Вѣдь за ночлегъ-то онъ отдалъ-бы пяточокъ.

— Какъ-же, дожидайся!

Еще съ четверть часа томительнаго ожиданія.

— А который теперь, къ примѣру, часъ? — задаетъ кто-то вопросъ. — Пора-бы ужъ впускать насъ.

— Теперь скоро, — отвѣчаетъ кто-то. — Вонъ народъ отъ всенощной пошелъ.

— Отъ всенощной. А ты почему знаешь, что это отъ всенощной? Нешто у нихъ на лбу написано?

— Гурьбой идутъ. Сейчасъ видно. Все не было, не было никого на улицѣ и вдругъ хлынули. От-